

разлились на возникновении таких определений, как "белорусы" и "белорусцы" в восточной Белоруссии, "полешуки" и "полюсяне" в Полесье и Подляшье, "литвины" и "литва" в ряде западных земель Белоруссии и восточных областей Литвы (Дукштайтия). Для собственно литовцев название "литвины" являлось славянизированным экзоэтнонимическим определением, несколько отличавшимся от самоназваний "Lietuviai", "Žemaičiai". В то же время у населения западных земель Белоруссии, которое представляло собой обелорусенных балтов, понятие "литвины" выступало в качестве как самоназвания, так и названия со стороны.

По мере централизации государства и осуществления доктрины правителей "одно государство - один народ" название "литвины" начало выступать еще и в качестве политонима (т.е. определителя государственной принадлежности) для большинства жителей Великого княжества Литовского и прежде всего для белорусов и жемайтов. Этому способствовала и лингвистическая традиция соседей (поляков, русских и украинцев) называть литвинами как белорусское, так и литовское население. Правда, в отношении белорусов данный политоним зачастую употреблялся с добавлением некоторых других определений, например "литвины русского роду", "русские литвины", "литвины белорусцы", а в случаях акцентирования конфессиональных различий - заменялся на древний восточнославянский этноним "русини", который относился почти исключительно к православному населению.

В целом анализ этнонимической ситуации XIV-XVI столетий в Великом княжестве Литовском свидетельствует о том, что единичные этнонимы, которые охватывали бы основные этнические массивы как белорусского, так и литовского этносов, в это время еще только начинали распространяться из определенных центров, а этнообразовательные процессы продолжали активизироваться. Следует подчеркнуть, что аналогичные этнонимические и в целом этнические ситуации были характерны в отмеченное время почти для всех европейских этнических общностей и являлись

типичными для эпохи феодализма. Белорусская и литовская народности в этом смысле не составляли исключения.

Н. Лхнёва (Ленинград)

РОЛЬ ПЕТЕРБУРГА В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ЛАТЫШЕЙ И ЭСТОНЦЕВ

(к вопросу о локализации центров национально-культурных движений вне основной этнической территории народов)

На определенных этапах этнического развития латышского и эстонского народов некоторые культурные центры этих народов располагались вне территории их расселения. Первые книги на латышском языке (в XVI в.) были напечатаны в Германии и Литве, т.е. за пределами Латвии, в которой еще не было своих типографий. Первые издания на эстонском языке появились в XVII в. не в Эстонии, а в Риге, где к тому времени уже значительно развилось книгопечатание. В дальнейшем Тарту (Дерпт) становится известным центром культурной жизни не только эстонцев, на этнической территории которых он расположен, но также и латышей. С середины XIX в., в период становления национальных культур и национального возрождения, проходившего в борьбе против онемечивания, наметилась ориентация латышского и эстонского национальных движений на прогрессивные силы русского народа. С этого времени большую роль в национальном развитии латышей и эстонцев начинает играть Петербург.

В середине XIX в. в Латвии возникает младолатышское движение, знаменем которого было национальное возрождение. Начало пропаганды младолатышской идеологии было положено в 1856 г. дерптским кружком латышских студентов (К. Валдемар, Ю. Алунан, К. Барон); в 1859-1860 гг. кружок издает три книги аль-

манаха "Сета, даба, пасауле" ("Дом, природа, мир"). По окончании Дерптского университета К.Валдемар, Ю.Алуан, К.Барон переезжают в Петербург, который становится идейным центром младолатышского движения. В 1861 г. К.Валдемар обращается к правительству с докладной запиской о произволе в Прибалтике немецких баронов (так называемый "Меморандум Валдемара"). В 1862-1865 гг. Валдемар, Алуан и Барон издадут в Петербурге латышскую еженедельную газету "Петербургас авизес" ("Петербургская газета") и сатирическое приложение к ней. Решение издавать газету в Петербурге было продиктовано желанием избежать преследований прибалтийской цензуры. "Петербургас авизес" явилась главным выразителем идей младолатышского движения, получила широкое распространение в Латвии и сыграла очень важную роль в национальном и культурном развитии латышского народа.

В 1870-е гг. самым прогрессивным латышским периодическим изданием был альманах "Дундури" ("Оводы"), который издавали в Петербурге П.Гутманис, Аусеклис и др. В 1890-е гг. в Петербурге действовала группа, выражавшая взгляды так называемого "нового течения".

Петербург начиная с 1860-х гг. стал одним из центров и эстонского национального движения (наряду с Вильянди и Тарту). В 1860-е гг. здесь действовал кружок патриотически настроенной эстонской интеллигенции, поддерживавшей активные связи с родиной. Кружок получил название "петербургских патриотов", или "друзей народа". Наиболее выдающимися его деятелями были И.Келер и К.Якобсон. Возникшую в среде "петербургских патриотов" идею издания в столице эстонской газеты не удалось претворить в жизнь, поэтому роль Петербурга в эстонском национальном движении не получила столь яркого выражения, как в латышском. Однако были другие проявления роли Петербурга в развитии эстонской национальной культуры. Так, Петербург в конце XIX в. стал одним из главных эстонских театральными центрами.

Локализация центров национальной культуры и национального движения вне основной этнической территории была закономерным явлением для целого ряда европейских народов, не обладавших собственной государственностью и переживших в XVIII-XIX вв. национальное возрождение. Связанные с этой проблематикой вопросы получили отражение в работах ряда ученых СССР и восточноевропейских стран (Э.Арато, Ю.В.Бромлей, М.Грох, В.А.Дьяконов, Т.М.Исламов, В.Матула, А.С.Мильников, Э.Нидерхаузен, В.И.Фрейдзон).

Одним из центров словенского национального движения была Вена (наряду с расположенными на национальной территории Любляной и Грацем). В этих трех городах в середине XIX в. возникли первые словенские политические организации, в Вене выходила словенская газета. Нельзя не отметить роль Вены и на первых порах венгерского национального движения. Для сербов очень существенную роль сыграл Будапешт. Здесь начал выходить первый сербский журнал, основана сербская "Матица", которая стала во главе сербского культурного движения. Позднее центр национального движения сербов переместился в Воеводину (внешним выражением этого был перевод сербской "Матицы" в Нови-Сад). Словацкое национально-культурное возрождение также было связано с инациональными городами - сначала с Будапештом, позднее - с Прагой. Для лужицких сербов (сорбов) особо важную роль играла Прага.

Размещение центров национального движения некоторых народов вне территории их расселения было обусловлено целым рядом причин. Основная заключалась в отсутствии национальных городов (либо на территории расселения вообще не было городов, либо были только или главным образом инациональные города). В этом случае центром национального движения так или иначе должен был стать город инациональный, и было безразлично, находится этот город на собственной этнической территории или вне ее. Большую роль в локализации центров национальных движений играл национальный гнет, который почти всег-

да наиболее тяжел был именно на основной этнической территории, а не за ее пределами. Так, латыши и эстонцы в Петербурге стремились спастись от ассимиляторской политики прибалтийских немцев; словаки в Праге искали возможности национального развития, которому препятствовала жесткая политика мадьяризации, осуществляемая на территории Словакии. В некоторых случаях притеснения были настолько сильными, что центры национальных движений возникали за рубежом. Это относится прежде всего к южным славянам, жестокое притеснение которых Османской империей исключало всякую возможность национального возрождения.

Отдаленное от основной этнической территории расположение национального центра возможно только на первом этапе национального движения, когда главной движущей силой его являлись немногочисленные группы интеллигенции, занятые разработкой национального языка и изданием и распространением литературы на этом языке. При переходе ко второму, массовому этапу национального движения центры его сосредотачиваются на национальной территории. Это можно наблюдать у латышей, эстонцев, сербов, словаков и некоторых других народов. В начале XX в. культурная жизнь латышской и эстонской колоний в Петербурге развивается: выходят газеты, действуют национальные общества. Однако роль Петербурга для Латвии и Эстонии в это время уменьшается в связи с успехами в Латвии и Эстонии массового рабочего и социал-демократического движения.

Н. Юхнёва (Ленинград)

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЛАТЫШСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В ПЕТЕРБУРГЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В качестве источника социально-демографической характеристики латышской этнической группы в Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. использованы петербургские городские переписи 1869, 1881, 1890, 1900 и 1910 гг. Материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 г. для этой цели непригодны, так как в ней во всех таблицах латыши объединены в одну группу с литовцами. Петербургские переписи разных лет не идентичны, поэтому не по всем параметрам можно было проанализировать динамику.

В петербургских городских переписях этническим определителем служит родной язык, что было в то время общепринятым. Поэтому в них учтены только те латыши, которые назвали родным латышский язык. Соответственно вся социально-демографическая характеристика латышской группы относится только к латышскоязычным латышам. Между тем в Петербурге немало было также немецкоязычных (в более ранний период) и русскоязычных (позднее) латышей. В приведенной ниже таблице помещена наша оценка общей численности латышей в Петербурге с учетом этих групп. Численность немецкоязычных восстановлена на основе анализа данных церковной статистики, а русскоязычных – на основе приблизительного распределения русскоязычных протестантов между немцами, эстонцами и латышами.

Материалы переписей 1881 и 1890 гг. позволяют определить соотношение мужчин и женщин и долю детей до 5-летнего возраста, а переписи 1900 и 1910 гг. – половозрастную структуру по 5-летним группам. По сравнению со всем населением Петербурга, а также и с русскими латыши отличались более низкой долей возрастной группы до 5 лет, что является косвенным